

Ни дня без кадра!

В составе жюри фотоконкурса «НАУКА В ЦИФРЕ'18» работали Юрий Георгиевич Белинский и Павел Михайлович Маркин. Фотографы с большой буквы дали двойное интервью магистрантам первого курса, в котором раскрыли некоторые секреты профессии, дали рекомендации, а также привели интересные примеры из жизни и профессиональной деятельности.

фото Ольги Кочуровой

Юрий Георгиевич Белинский — фотокорреспондент ТАСС с 1967 по 2016 году, сейчас работает в Академическом университете. С детства знал, что будет фотографом, занимался в фотокружке Дворца пионеров (фотокружок располагается в здании Аничкова дворца). Награжден орденом Трудового Красного Знамени, дважды лауреат международного конкурса профессиональной фотографии "WorldPressPhoto", лауреат премии "Интерпрессфото".

фото Ольги Кочуровой

Павел Михайлович Маркин – декан Факультета фотокорреспондентов имени Ю.А.Гальперина. Член президиума Санкт-Петербургской Академии журналистики. Член Союза фотохудожников РФ, победитель конкурса “Золотое перо». В творческом активе призы «Фарфоровый джентльмен», «Золотой Пеликан», Гран-при фотоконкурса, посвященного 65-летию Великой Победы, Золотая медаль Фонда исторической фотографии имени Карла Буллы.

Елена Рассадина: – Скажите, пожалуйста, почему Вы согласились стать членом жюри нашего конкурса?

Юрий Белинский: – Мне интересно, как молодежь сегодня видит мир. Для меня, фотография – это свобода. Когда я смотрю в видоискатель, все зависит от меня, я здесь хозяин, я делаю этот кадр, и никто больше его не сделает. Поэтому мне и интересно смотреть, как молодежь сегодня снимает.

Павел Маркин: – Меня постоянно приглашают в жюри разных конкурсов, и я никогда не отказываюсь. Жюри – это большая учеба и для меня лично, большой познавательный процесс, потому что узнаешь новые имена. Может и сегодня мы откроем новые имена, которые через 10 – 15 лет зазвучат на фотографическом Олимпе. Кроме того, я с Политехом связан очень давно. Много лет назад меня пригласили жюри конкурса «ПОЛИТЕХ-фото», я там много лет подряд жюрил и мне это очень нравилось. В вашем конкурсе жизни вуза не видно, и это обидно до слез.

Как начинали мастера

Елена Рассадина: – Для нас большая честь, что вы согласились работать в составе жюри конкурса «НАУКА В ЦИФРЕ». Юрий Георгиевич, Павел Михайлович, расскажите, пожалуйста, как Вы поняли, что фотография — это Ваше призвание, как Вы начали ею заниматься?

Юрий Белинский: – Как я стал фотографом? Судьба вела. В 3 – 4 классе родственники – научные работники – подарили мне фотоаппарат. Это был 1955 – 1956 год, работа ученых тогда хорошо оплачивалась, и все закрутилось, завертелось: снимал, снимал, снимал. А потом меня нашли в фотокружке во Дворце пионеров, который находится в Аничковом дворце, сказали: «Приходите в ЛЕНТАСС, может быть, будете с нами сотрудничать». А мог бы быть сейчас машинистом, водил бы поезд, может быть, метро, дальние поезда, грузовые, пассажирские, но когда пришел поступать в техникум, мне сказали, что зрение чуть-чуть «садится», так что я должен был выбирать любую профессию кроме машиниста.

Павел Маркин: – Я сменил 17 профессий, прежде чем стал фотокорреспондентом, хотя я снимал буквально с пеленок. Отец с войны привез трофейную камеру 6 на 6. Печатать сделанные ею снимки можно было только контактным способом, потому что увеличителей 6х6 тогда не существовало в СССР. А в 1952 году мама подарила на день рождения папе фотоаппарат «Зоркий». Где она нашла деньги, я не представляю, потому что зарплата у папы, насколько я помню, была 125 рублей, а «Зоркий» в ту пору стоил 725 рублей. Как она умудрилась... И с тех пор началась наша золотая фотографическая жизнь. Каждый вечер папа устраивал фотолaborаторию в нашей коммунальной квартире на Лермонтовском, 50. Все соседи собирались, печатали, в том числе, конечно, дети. Папа был учитель с большой буквы. Он начинал учить меня фотографии с композиции. Каждое утро, уходя на работу, говорил: к вечеру нарисуй мне, пожалуйста, иллюстрацию к такой-то сказке, которую мы прошлым вечером с тобой читали, и давал лист ватмана, акварель или гуашь, а вечером он разбирал, какие у меня ошибки.

Когда я взял фотоаппарат в руки, я уже начал чувствовать кадры. Самый ранний негатив, который сохранился, 1952 года. Это демонстрация на Дворцовой площади.

Фото П.М.Машкина «1 мая 1952 года»

Папа всегда говорил: «Когда идешь на любую съемку, снимай три кадра. Пленка дорогая, ты все равно всякую ерунду снимешь». Всего несколько кадров от той пленки осталось. Мы, мальчишки, увлекались дымовухами. Это плёночка горячая, которую надо было свернуть круто-круто в рулончик, а потом завернуть в бумажку, поджечь и наступить каблучком – она дымила. Лермонтовский, 50 – это такой двор-колодец, он полностью наполнялся этим сладким дымом. Старушки на нас кричали, а мы радовались. Но большинство негативов погибло в этих дымовухах.

И так я всю жизнь фотографировал. Самое главное и интересное в нашей жизни – это люди. А у вас портретов ученых раз-два и обчелся! В какую бы ты страну ни поехал, какие бы прекрасные виды оттуда ни привез, самое интересное, что остается на долгие годы в твоей памяти, в твоём фотоархиве – это люди, необычные бытовые сценки, которые ты снял на улице. А это снимать архисложно, потому что сегодня за это требуют большой бакшиш в любой стране.

Фото П.М.Машкина «Автопортрет с грибами. Июль 1974 года»

Те же секреты, что и у Моны Лизы

Елена Рассадина: – Какой жанр фотографии Вы предпочитаете?

Юрий Белинский: – Наверное, все-таки стрит-фотография. Фотография с улицы. Самое интересное – репортажный снимок, рассказывающий о людях.

Чтобы отличить хорошую фотографию от плохой, у меня есть простой принцип, причем его можно отнести и к живописи, и к любому искусству, хотя я не считаю, конечно, что вся фотография – это искусство. Ни в коей мере конечно. Себя считаю ремесленником, я фоторепортер. Но если меня фотография какая-то зацепила, значит, эта фотография удалась – что-то в ней есть. Вот мы на «Мону Лизу» смотрим, сколько веков и не можем оторваться. Что здесь, проанализируйте? Почему так происходит? Что-то не договорил художник, что-то такое скрыл. Ничего она мне не говорит. Хочет сказать, а не говорит. Вот так и с фотографией. Чтобы вы отошли от нее, и вам захотелось бы вернуться.

Я в театре очень много снимал, там тоже так бывает. Приходишь, снимаешь. Спектакль проходит немножко параллельно, ты видишь какой-то его фотографический эквивалент. А потом приходишь домой, чем-то этот спектакль зацепил, хорошо бы еще посмотреть.

Павел Маркин: – Моя жена говорит: «Опять в театр пошел, опять на концерт, а мне мог билет взять?» А когда я снимаю спектакль, концерт, я не вижу спектакля, поэтому совсем другое переживаю чувство.

Лично считаю, что фотокорреспондент – это фотограф со знаком качества. Если он настоящий мастер, то может снять все. Надо пейзаж – он снимет прекрасно. Натюрморт – он сделает натюрморт. Репродукцию – сделает репродукцию. Вы думаете, репродукцию просто сделать? А если вам дадут старую фотографию, напечатанную на тисненой бумаге и надо с нее сделать репродукцию, чтобы никакого муара не было, или переснять марочку 1X1,5 сантиметра – надо навыки иметь. Поэтому, если тебе все это под силу, тогда ты востребован, а если ты, как некоторые наши, заявляешь: «Я большой фотохудожник»... Вот этого фотохудожника пошли снимать на какой-нибудь завод, какой-нибудь репортаж, он скажет: «Ой, я сегодня не с той ноги встал, простите пожалуйста». Приходит на завод: «Нет, сегодня свет не с той стороны светит, я завтра приду». А репортер, если пришел – у него задание, он должен принести кадр, и такой кадр, чтобы его опубликовали. Моя замечательная коллега – Ирина Владимировна Чуди, заведующая отделом оформления газеты «Смена» в те времена, говорила: «Павел, если ты фотографируешь девушек на заводе – фотографируй только тех, на которых ты бы женился. Других не неси! Все равно не напечатаю!» И это абсолютная правда.

Фото П.М.Маркина «Армейские спортсмены» 24 июля 1979 года

Юрий Белинский: – В общем, да. Это как раз ответ на Ваш вопрос. Какая фотография? Чтобы зацепила! Чтобы зацепила и редактора, который отбирает вашу фотографию и ставит ее на полосу в газету.

Павел Маркин: – Объяснить, чем она цепляет, очень часто я просто не могу. Смотрю на фотографию, я в нее влюбляюсь, я вспоминаю этого человека 10 – 20 лет назад. Эта фотография остается в сердце.

Фотка против фотографии

Елена Рассадина: – У Вас бывало такое, что, например, есть фотографии похожие, и Вы долго сидите – выбираете. Или Вы каждый свой кадр заранее обдумываете, представляете?

Юрий Белинский: – Раньше проблема была какая? Вы ограничены количеством пленки. Тогда мы отбирали просто «профессионализм». Как-то раз мы с коллегой – Николаем Афанасьевичем Наumenковым – снимали фигурное катание. Я мало снял, всего три пленки. А он, можете себе представить, сделал 36 кадров за все трехчасовое выступление. И из 36 он выбрал 30 кадров, представляете! Самых разных 30 кадров. Вот это высший пилотаж. Я выбрал из трех пленок, ну, кадров 15, наверное.

Сейчас, конечно, возможностей больше, но, к сожалению, с приходом высоких технологий, цифровой фотографии, само слово «фотография» заменилась словом «фотка». Люди делают просто фотки. Телефоном, смартфоном, фотоаппаратом профессиональным или любительским – не важно, но это фотка. А фотография – это очень серьезная штука. Надо ее изучать, смотреть хорошие образцы, чтобы знать, куда мы стремимся.

Павел Маркин: – Один маленький пример из моей учебной практики. Очень часто спрашивают: «Какой фотоаппарат купить?» Я говорю: «Ты снимай хоть ведром». Он говорит, что ведром снимать нельзя. Я привожу пример. Однажды у нас был зачет – автопортрет. И одна из девушек приносит фотографию, на которой она сидит в трех проекциях. И все сказали: «Ну и что?» Она говорит: «Да это я ведром сфотографировала». «Как так?» «Я купила ведро, шилом проколола посередине дна дырочку, заклеила черным лейкопластырем, в темноте в черной комнате вставила в ведро глянцевой стороной лист бумаги 24х30, заклеила черной пленкой, вынесла в комнату на свет, посмотрела где я буду сидеть, открыла диафрагму, посидела в анфас, в профиль, второй профиль». И все сказали – первое место! Вот понимаете, человек думает, человек знает, чем можно снять, снять можно какой угодно камерой. Главное, чтобы мысль в голове была, как и что сделать.

Фото П.М.Маркина «Глазами» 15 сентября 1990 года

Кадр, снятый с табуретки

Ольга Кочурова: – Как Вы считаете, может ли фотограф подходить, пробираться, подползать ближе к объекту съемки, если ему это необходимо?

Павел Маркин: – Мне ни разу, никто, за 50 лет работы фотожурналистом, не сказал: «Меня нельзя снимать!». Почему? Потому что я смотрю на человека открытыми улыбчивыми глазами. Это ключ, который открывает все замки. Студенты говорят: «А меня чуть не побили. А мне тут пленку засветили, когда я фотографировал». Потому что он крадется, как бандит, сфотографировать, поймать момент. Когда ты смотришь открытыми глазами, улыбаешься, то человек раскрывается. Ты понимаешь, что внутренний контакт найден. Если человек стал соавтором твоего кадра, то кадр есть.

Юрий Белинский: – Зависит от того, какая это съемка. Снимать первых лиц вас никто не пустит. Не подползти. Вас просто

пристрелят. Seriously, я без шуток. У нас есть прекрасный фотограф – Саша Петросян (работал фотокорреспондентом в городском еженедельнике «Мой район», сейчас работает в издательском доме «Коммерсант», – прим. ред.) Я считаю, на сегодняшний день, это лучший фотограф в Петербурге. Он как-то пошел снимать Путина, который приехал к дому Собчака. Саша забрался на крышу напротив и вытащил камеру. И в последний момент его выдернули оттуда с репликой: «Ты что делаешь! Еще бы чуть-чуть дернулся, тебе бы пуля в лоб пришла». Парень на противоположной крыше уже нацелил на него винтовку. Так что здесь нюансов очень много.

Ольга Кочурова: – Я имею в виду то, когда человек на мастер-классах, где множество людей, находится далеко, а подойти стесняется.

Юрий Белинский: – Здесь надо искать компромисс. Например, театральная съемка. Это очень сложная съемка. Сложно потому, что люди приходят на спектакль, платят за него деньги, они не хотят видеть, как снимают. А есть определенная категория людей, которая приходит слушать фотоаппарат. Я часто встречался с такой – это и в Мариинском театре, Большом Драматическом. На Западе есть определенная раскладка: перед тем как спектакль выходит, собирают пресс-показ, то есть показывают лучшие сцены спектакля. Я такое наблюдал с Додинским театром в Брауншвейге (Германия), они показывали премьеру «Бесы». Показали 15 самых лучших сцен спектакля, а 19 – 20 фотографов ходили и снимали. Режиссер сидит – пожалуйста, снимайте его или актёров. Хотите, за кулисы зайдите или в грим. уборную, или актёров снимайте. Все сняли – спасибо! Если кого-то интересует снимать еще – оставайтесь. Есть такая технология.

Павел Маркин: – Фотограф должен приходиться на съемку так одетым, чтобы его не заметили. Если вы придете в красном платье на мастер-класс, все будут смотреть на вас, понимаете? Вы – зрительное пятно. Каждый фотограф, особенно фотокорреспондент, должен одеваться как мышка, быть незаметным. Если он незаметен и с улыбкой на лице еще, смотрит в глаза доверительно, то это сразу открывает любые сердца и просторы.

Юрий Белинский: – Владимир Гургенович Мусаэльян, личный фотограф Брежнева (советский и российский фотожурналист. Личный фотограф Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева с 1969 по 1982 год, – прим. ред), рассказывал мне о таком случае. Они прилетели с Брежневым, с которым у них были теплые отношения, в какую-то африканскую страну. Этому визиту придавали большое значение, прессы море. Володя говорит: «Я когда вышел – смотрю, толпа стоит, и я пытаюсь пропихнуться, но никак не получается. Что делать? Я должен сделать фото, когда Брежнев на меня двигается. И я попытался влезть, но меня оттиснули мои коллеги. Я думаю – ах так! Руками раскидал этих самых ребят и сделал фотографию, иначе у меня ничего бы не было».

Знаете, репортеры могут целые книги писать, отвечая на ваш вопрос: «Надо ли подходить?» Когда-то – надо!

Елена Рассадина: – Скажите, пожалуйста, у Вас наверняка есть свои золотые правила, приемы, хитрости, которыми Вы можете поделиться?

Юрий Белинский: – В каждом отдельном случае нужно что-то свое. Это целая наука, я считаю.

Я как-то снимал Дмитрия Дмитриевича Шостаковича – знаменитого композитора. Он чувствовал камеру спиной через улицу. Вот вы идёте и направляете на него камеру, а он вас не видит, но чувствует. Что с ним происходило? Он начинал чесаться, куда-то в карманы лезть руками. Стоит опустить камеру, и все в порядке. Вот как до человека доходит, что камера направлена?

Он был гениальным композитором. Я, еще мальчишкой, пришел в филармонию его поснимать, и мне говорят: «Вы только не снимайте Шостаковича!» А я пришел специально за этим. Стою и думаю: «Ну ладно, они успокоятся, и я пройду и сниму его». Он сидел в ложе. И я через спину пытался его сфотографировать – мало ли он обернется. Но когда я поднимал камеру, он начинал, сидя спиной ко мне, лезть в карманы. Потом я зашел издали, поднял камеру и сфотографировал.

Так что, понимаете, в каждом случае все по-разному. Ну какие могут быть секреты? Есть задача – надо сделать хорошую фотографию. А как Вы это сделаете?

Я снимал Аркадия Райкина, великого актера. Познакомиться с ним было просто нереально. Я познакомился с ним через своего родственника-актера и делал о нем очерк. Прихожу, снимаю его за кулисами, во время спектакля, вроде бы кадры есть, но мне нужен был кадр – он в городе. Я позвонил ему, а он сказал, что сегодня не получится, давайте завтра. Звоню завтра, он опять сказал, что ничего не получится. Так продолжалось полторы недели.

Он получил, по-моему, «Ленинскую премию», и мне редакция звонит и говорит, что надо срочно материал, газеты ждут. Звоню ему: «Вы меня зарубите, материал нужен, газеты ждут!». Он сказал: «Ну хорошо, только у меня очень мало времени». Я подъезжаю за ним на машине, гаишник стоит и знак. Я говорю: «Я корреспондент ТАСС, мне надо Райкина встретить у подъезда». Мне разрешили встать под запрещающий знак. Я поднялся к нему. А до этого я подарил ему фотографии для затравки, когда первые разы его снимал, получились довольно интересные фотографии за кулисами. И смотрю, он одну фотографию на вазу перевёл. Большая такая ваза. Он говорит: «Смотрите как мне понравилась Ваша фотография, я на вазу перевёл ее. Ну, поехали!» Мы приехали. Я говорю: «Надо Вас сфотографировать среди толпы, пройдитесь раза два по центру». Я сфотографировал его на фоне города, Адмиралтейства. Его никто не узнал. Ну, я думаю, люди озабочены были, заняты своими делами. Затем мы сели в машину и «прилетели» обратно. Я говорю: «Аркадий Исаакович, Вы мне дали полчаса, прошло 27 минут. Спасибо!» В каждом случае надо искать какой-то вариант.

Фото Ю.Г. Беленского

Раньше у нас было больше возможностей, потому что ТАСС было практически единственным агентством, которое работало на страну, поэтому к нам относились с большим уважением. Это открывало многие двери, так что мы, в хорошем смысле слова, пользовались этим. Сейчас другое время, все изменилось, меня даже близко не подпустят к Смольному. Сейчас я не завидую своим коллегам, которые вынуждены в таких условиях работать. Появился новый фактор – вы снимаете людей, а они возражают, что вы их снимаете. Или вы опубликовали фото, он вас находит и говорит, что подаст в суд. И в школе нельзя снимать, потому что нужно просить разрешения родителей.

Павел Маркин: – Письменное согласие двух родителей, чтобы сфотографировать ребёнка в школе. Да, вот такие условия сегодняшнего дня.

Однажды я фотографировал Билла Клинтона на Пискаревке. Я маленького роста. Знаю, что приедут фотографы Белого дома, Кремлёвского пула, которые все, как минимум, под два метра. И я тогда решил прихватить с собой стремянку, но так как она была грязная, я взял табурет. На меня смотрели как на идиота в троллейбусе, когда я вошёл и сел на свой табурет. Доехал до Пискаревки, а там не пропускала охрана с вопросом: «Зачем вам табуретка?» Я говорю: «Да я встану на нее фотографировать». Все коллеги надо мной смеялись. И вот когда пришли Клинтон и Собчак, я тихо встал на табурет и сделал эти кадры, хотя это было безумно смешно.

Фото П.М. Маркина

Снимать футбол, я считаю – это большая тренировка для любого фотографа, потому что, когда футболист ударяет по мячу, в кадре мяча не будет. Надо предчувствовать, когда он только собирается ударить, только тогда в кадре будет мячик. И вот попробуйте, сходите, сделайте 36 кадров так, чтобы, без серийной съемки, был в кадре мяч. И Вы тогда поймете. Этому научиться, конечно же, надо, и это архисложно, чтобы в каждом кадре у Вас был мяч.

Если ты предчувствуешь, когда возникнет улыбка у человека, какой-то необычный жест, и если ты это успел снять, то в любом репортаже это пойдет на ура. Это все продумать надо, выручают опыт и большая практика.

Елена Рассадина: – Какие рекомендации Вы можете дать начинающим фотографам?

Павел Маркин: – Ни дня без кадра! Меня все называют «человек с фотоаппаратом» (И в самом деле, первыми словами Павла Михайловича на открытии выставки «НАУКА В ЦИФРЕ» были: «Можно я немного поснимаю?», – прим.ред.). Мало того, я человек, который дарит фотографии. У меня нет ни одного моего коллеги, которого бы я не сфотографировал и у которого в архиве не было бы сделанной мною фотографии.

Юрий Белинский: – Надо фотографию немного подучить: как получается изображение. Что это такое – камера-автомат?! Вот Вы нажали, вроде получилось, да? А почему получилось так, если я снимал вот так? Нужно понимать, как добиться, чтобы Ваша задумка заканчивалась тем, чем Вы хотите. Нужно смотреть лучшие образцы фотографий, это не сложно, Вы открываете Интернет, набираете «лучшие фотографии ТАСС», «лучшие фотографии журнала Stern», «лучшие фотографии National Geographic», «Классика журналистской фотографии» – это очень интересно, это уже классика. У нас прекрасный город, мы ходим по городу, видим эту красоту, эту гармонию, это все воспитывает. Мы даже не подозреваем, как это все в нас входит!

Я снимал одного художника, я к нему пришел, а у него мастерская на Васильевском острове, и там половина купола Исаакиевского собора видна. Я говорю ему: «Слушай, у тебя такой вид потрясающий, и ты каждое утро видишь это?», а он отвечает: «Юрий Георгиевич, понимаешь, какая штука: если в Купчино жить, вставать каждое утро и видеть коробки, эти бараки, то какое у тебя будет сознание и с чем ты вырастешь?» Это очень важная вещь. И я рекомендую фотографам, то есть, нет, это не моя идея, это сказал известный фотограф Картье-Брессон (1908 – 2004, французский фотограф, мастер реалистичной фотографии XX века, отец фоторепортажа и фотожурналистики, представитель документальной фотографии, – прим.ред.), когда ему сказали, что в Ленинграде искусству фотографии учиться негде, он ответил: «Как негде! У вас же есть Эрмитаж!» Ходите в Эрмитаж, Русский музей, смотрите картины и наслаждайтесь, будьте в этой атмосфере, вот и все.

Павел Маркин: – Надо ходить на выставки. Восприятие в Интернете абсолютно другое. Когда Вы видите то, что на экране компьютера, просто лайк поставил и все. А живьем напечатанная фотография – это совсем другое восприятие.

Я говорю студентам на лекциях о необходимости самого первого главного пункта – доскональное знание своей фотоаппаратуры. Сегодня приходят ко мне студенты, которые не знают, как поставить ручную баланс белого. Вот иногда приходишь на такие предприятия, в такие помещения, где лампы горят, и не поймешь, какой дают цвет, и у тебя получается вместо белолицых ленинградцев китайцы, понимаете? А это все тонкости, и их надо знать.

Ольга Кочурова: – Сейчас можно наблюдать за тем, что многие в социальные сети выкладывают фотографии, которые практически не отличаются друг от друга!

Юрий Белинский: – Вы очень правильно сказали, очень важен отбор фотографий. Отбор уже идет с того момента, когда вы берете камеру, вытаскиваете ее из сумки. Сначала вы отбираете, что вы будете снимать, затем какой свет будет, потом снимаете на пленку, на матрицу, на цифру, потом приходите домой, ставите компьютер, отбираете. Это очень важный процесс. Если Вы планируете стать фотографами, серьезно к этому относитесь.

Но во всем нужно чувство меры. Я себя вспоминаю в молодости – я снимал Владимира Высоцкого. Вы можете себе представить? А ситуация была очень интересная. Я тогда на киностудии работал и у нас была девочка администратор, а у нее подруги – актрисы театра на Таганке. Она говорит: «Слушай, Юра, тут девочки приехали, можешь их поснимать?» Поехали за город, поснимал я их, какой-то макияж сделали. А и потом у меня командировка в Москву. Я взял эти фотографии, приехал, подарил им – «Ой, спасибо! А хочешь на спектакль? Сегодня Высоцкий играет. «Жизнь Галилея». «Ой, так с удовольствием! А кто такой Высоцкий?». По тем временам – ну вот какой-то скандальный певец. Я его песен тогда еще даже практически не слышал, но имя было на слуху. Меня спросили, где я хотел бы сесть, и я попросился за кулисы, меня с удовольствием пустили. Я за кулисами снял две пленки Высоцкого. Приехал домой, проявил, а тогда я серьезно относился, все выкинул, оставил только два его снимка. Я себя за это до сих пор называю идиотом. Я отправил отпечатки девочкам, чтобы те передали Высоцкому. Через время мне пришло письмо, в котором говорилось, что Владимиру очень понравились мои фотографии. Где они сейчас, может в музее, а может их уже и нет? Но у меня вот сохранилось, и печатают иногда этот снимок.

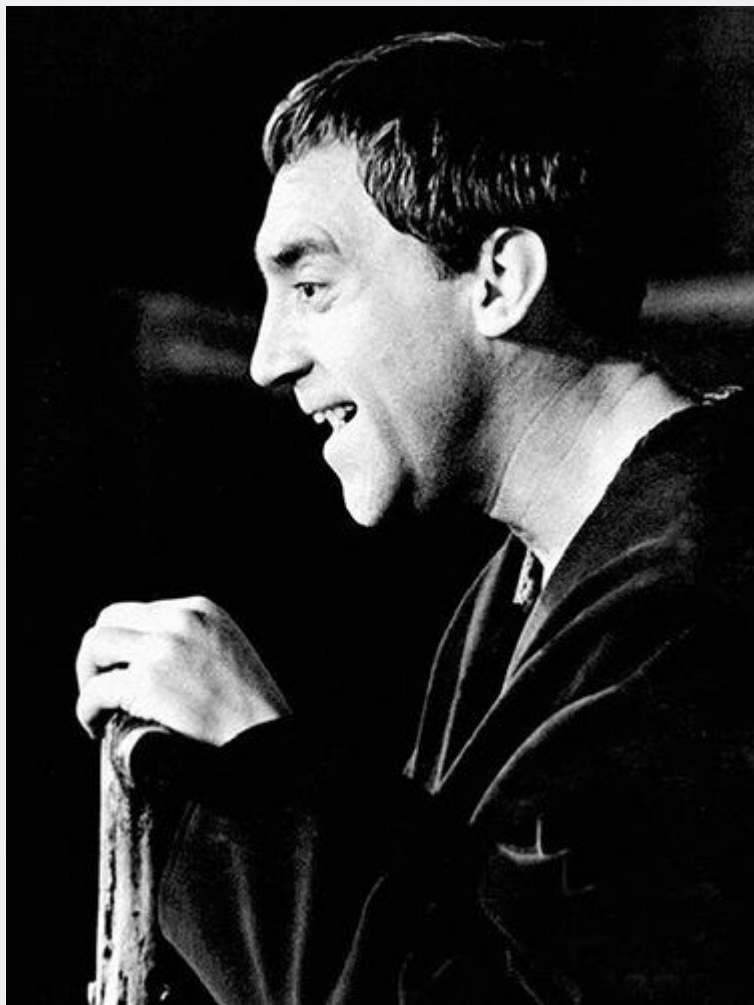

Фото Ю.Г. Белинского

Время мастер-классов

Еще глубже погрузиться в секреты профессии смогут призеры фотоконкурса "НАУКА В ЦИФРЕ'18". Юрий Георгиевич и Павел Михайлович согласились провести для них мастер-классы.